

© Ю.М. ВЛАСОВА

Тюменский государственный университет
juliarop888@yandex.ru

УДК 159.923

**СМЫСЛОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ, СОПРОВОЖДАЮЩИЕ
СТАНОВЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАНАТИЗМА**
**SEMANTIC TRANSFORMATION ACCOMPANYING
THE FORMATION OF RELIGIOUS FANATICISM**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена феномену религиозного фанатизма. В ней рассмотрены основные представления о фанатизме, отмечается необходимость описания личностных трансформаций, которые могут дать объяснение, почему религиозный фанатизм оказывается устойчивым явлением. Автор описывает изменения, которые претерпевает личность в процессе формирования и становления фанатичной религиозной позиции. Личностные изменения представлены в виде смысловых трансформаций. Представленные трансформации отражают личностные изменения как лидера-фанатика, которые характеризуются трансформацией идентичности, так и рядового фанатика, которые описываются как феномен делегирования субъектности. Описывается механизм замещения внутренних личностных опор на религиозные основы. Рассматривается изменение межличностных отношений, описывается характер взаимодействия с избранной идеологической группой. Также показывается изменение отношения с людьми с иной идеологической позицией, которое является следствием принятия жесткой идеологической позиции. Показано преимущество занятия фанатичной религиозной позиции. Описанные смысловые трансформации, по мнению автора, несут в себе диагностический потенциал.

SUMMARY. The article is devoted to the phenomenon of religious fanaticism. It considers basic concepts of fanaticism. The author notes the need for the description of personality transformations, which can give an explanation, in which religious fanaticism is sustainable. The author describes changes undergone by a person in the process of formation and growth of fanatical religious position. Personality changes are presented in the form of semantic transformations. The transformation illustrated reflects personality changes as a leader, a fanatic, which are characterized by the transformation of identity, and also as an ordinary fanatic, described through the phenomenon of delegation of subjectivity. A mechanism for the substitution of internal personal support by religious foundations is described. It is also shown that a change in attitude to people with different ideological positions takes place, which is a consequence of the rigid ideological position. Benefits of a fanatical religious position are disclosed. According to the author, the semantic transformation described can be diagnosed as a disorder.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Религиозный фанатизм, трансформации, идентичность.

KEY WORDS. Religious fanaticism, transformation, identity.

Религиозный фанатизм является реальной опасностью как для общества в целом, так и для отдельного индивида. Одержимость религиозными идеями в сочетании с чувством сопричастности к выполнению некой миссии может приводить к совершению террористических актов. Терракты на почве религиозного фанатизма опасны тем, что деятельность отдельных фанатичных групп формирует негативный образ религии в сознании общественности, что в свою очередь осложняет диалог между культурами, народами и странами, исповедующими разную религию. С человеком, склонным к фанатизму, трудно придти к компромиссу, что может привести к напряжению в социальных отношениях, потере продуктивности в работе. Но стоит подчеркнуть, что только жесткая позиция, доведенная до крайности, может рассматриваться как проблема.

Фанатизм тесно переплетается с такими явлениями как фундаментализм, радикализм, экстремизм, терроризм. Общее для них — нетерпимость, идейная ригидность, расщепление совести. Фанатизм — сложный социально-исторический феномен, который в многообразных формах и разновидностях проявляется практически во всех сферах жизнедеятельности общества человека и является объектом исследования ученых разных областей науки. Религиозный фанатизм до сих пор непредсказуем по своим поведенческим проявлениям, в отношении его сущности до сих пор нет единого мнения, и нет модели, которая бы позволила прогнозировать это явление и предотвращать или минимизировать потери.

Д.В. Ольшанский (2002) определяет фанатизм как «доведенную до крайней степени приверженность каким-либо верованиям или воззрениям, проявляющуюся в нетерпимости к любым другим взглядам. В переносном смысле фанатизм — это страстная преданность чему-либо» [1; 179]. Т.Н. Санаева (2001) определяет фанатизм как беспредельную преданность кого-либо какой-либо идее (и ее реализации), превратившуюся в страсть [2]. О.К. Токтомагов (2011), также определяет фанатизм как переходящую в страсть беспредельную преданность какой-либо идее. Преданность избранной идее сопровождается ненавистью к конкурирующим идеям. Автор отмечает, что «проявление страсти чаще всего можно увидеть среди начинающих последователей. Узость мышления служит своего рода основой для проявления ненависти у фанатичной личности по отношению к инакомыслящим людям» [3; 81]. Н.А. Калюжная (2007) определяет фанатизм как «крайнюю приверженность человека каким-либо верованиям или идеям, вызывающую неприятие иных убеждений, верований, обычаев и ценностей» [4; 79].

Ряд авторов относит фанатизм к сверхценным психологическим увлечениям. Г.В. Старшенбаум (2006) относит фанатизм к виду эмоциональной зависимости. Автор считает, что фанатизм — это эмоциональная зависимость, которая сопровождается компульсивным поведением при сверхценных увлечениях. Г.В. Старшенбаум описывает изменения идентичности фанатика. Автор указывает, что содержание сознания фанатика определяют групповые ценности, а ответственность за жизнь передается лидеру религиозной группы. «Фанатики стремятся к уходу от своего Я в «мы», растворяясь в группе единомышленников, где они чувствуют себя в безопасности» [5; 223]. В.Д. Менделеевич (2007) относит фанатизм к сверхценным психологическим увлечениям и ставит его в ряд поведенческих зависимостей патологического характера. Автор определяет фанатизм как «увлечение какой-либо деятельностью, достигающее крайней степе-

ни выраженности с формированием культа и создания идолов, с полным подчинением человека и «растворением» индивидуальности» [6; 521].

Литературный обзор концепций религиозного фанатизма дает представление о феномене фанатизма, но исследования в основном носят описательный характер, в то время как описание изменений, которые претерпевает личность в результате становления фанатичной позиции, могут дать представление, почему явление фанатизма оказывается относительно устойчивым. **Цель** данной работы — опираясь на теоретический анализ, описать наиболее типичные **трансформации**, которые претерпевает личность фанатика.

1. Трансформация ресурсов жизнестойкости: внутренняя личная сила заменяется внешними (групповыми) опорами.

В требующих принятия решения ситуациях человек совершает выбор между различными ценностями, принципами. Как правило, спектр индивидуальных ценностей широк и является следствием активной включенности в социальную жизнь. Каждый индивид, «входя» в ту или иную сферу общественной жизнедеятельности, принимает совокупность норм, требований, правил [7]. Свобода выбора налагает на человека ответственность за свой выбор и тем самым дает ему право быть автором своего бытия [8]. Е.В. Улыбина отмечает, что сознательно созидавая свою идентичность, человек становится автором самого себя, тем самым подтверждая свою субъектность [9]. Бегство от свободы — это бегство от ответственности за свое бытие. Отказываясь от свободы, человек стремится получить в качестве компенсации спокойствие и комфортность своего собственного бытия [10].

Из этого следует, что выгодой фанатичной позиции является *облегчение бремени быть личностью*, предполагающее полное принятие ответственности за свой выбор и свои поступки. Фанатичная религиозная позиция позволяет индивиду избежать трудностей принятия решений, касающихся межличностных и внутриличностных отношений, так как фанатики не склонны к ценностным конфликтам. Религиозные ценности и нормы, доведенные до фанатизма, снимают с человека трудности принятия решения, так как в ситуации принятия решения он опирается на религиозные основы. Последние при этом становятся внешними опорами для личности (точнее, «мничности»). Мничность — это человек, не способный к поступку в изменившейся социокультурной ситуации [11]. Н.С. Пряжников и Е.Ю. Пряжникова отмечают, что индивид-мничность хочет стать лучше, но боится принимать ответственные решения (вопреки «общественному мнению»), если и получается, то только внешне. Фактически человек «мнит» из себя что-то значительное [12].

Религиозные основы в качестве опор предлагаются всем верующим, но опорой они становятся лишь будучи принятыми человеком в качестве таковых: опоры — это не столько то, что ему предложили, сколько то, что он сам нашел, чтобы опереться. Становление фанатичной позиции сопровождается сужением спектра индивидуальных ценностей и фактически заменой ее на религиозные ценности, в частности, ценности актуальной религиозной группы. Таким способом фанатик подменяет внутренние опоры на внешние.

2. Трансформация идентичности: избыточная идентификация с группой.

В современных условиях человеку предоставляется широкий спектр социальных групп, где он может себя идентифицировать через принятие некой со-

циальной роли. Усваивая жесткую ценностно-нормативную основу религиозной группы, индивид перестает быть «автором» самого себя. Приверженность радикальному учению приводит к возникновению избыточной идентификации, к утрате продуктивной диссоциации с группой [13]. В процессе становления фанатизма происходит *трансформация идентичности*.

В понятии психической инфляции К. Юнг отразил то обстоятельство, что субъектность члена группы разрастается до масштабов групповой субъектности через слияние с групповой ролью. Это позволяет лидеру быть автором не только самого себя, но и своей группы. К. Юнг описал явления слияние личности с ролью как «идентификацию себя, причем без тени юмора, с исполняемой должностью или Титулом» [14;198].

Религиозный фанатик, будучи рядовым последователем, в процессе становления фанатизма *делегирует свою субъектность*, то есть перепоручает «авторство» своих решений избранной группе и ее лидеру. С.С. Богдан пишет: «Люди склонны идентифицироваться с групповыми лидерами и с их идеалами (в том числе деструктивными), что во многом объясняет существование таких массовых девиаций как геноцид, расизм, фашизм» [15; 316]. В ситуации чрезмерной идентификации с группой, которая происходит еще на этапе формирования фанатически ориентированного неофита, человек добровольно выхолащивает собственную идентичность, сужая ее до групповой идентичности избранной религиозной группы.

Идентифицируя себя с религиозной группой, фанатик выступает от имени группы или организации, настолько «впитывает» в себя группу, что «растворяется» в ней. Речь от имени группы (организации) придает голосу индивида дополнительную значимость. Применительно к конфликтам Ф.М. Бородин и Н.М. Коряк ввели понятие «ранг оппонента». Чем выше статус группы, с которой разворачивается конфликт, тем выше ее ранг как оппонента [16]. Для индивида это означает приобретение соратников, что придает ему уверенности в себе и снижает тревожность. Ю.М. Антонян отмечает, что большинство террористических преступлений, в том числе и суицидальные террористические акты, совершается группой, так как группа снимает сомнения с отдельных своих членов [17]. Подчеркнем, что избыточная идентификация с группой обедняет человека как личность, он теряет индивидуальные границы и «Я» преобразуется в «Мы».

3. Трансформация восприятия других: Другой становится Чужим.

На протяжении жизни человек взаимодействует с другими людьми, которые в той или иной степени отличаются от данного человека. Восприятие Других складывается из множества факторов: собственных нравственных убеждений, степени различий, контекста общения.

Избыточная идентификация с группой приводит к усилению дихотомии «свой — чужой». С.Н. Борисов и А.В. Римский (2010) утверждают, что на ранних ступенях развития культуры отношения между группами, племенами носило насильственный характер. Выстраивание межгрупповых отношений («свой — чужой») в традиционном обществе осуществлялось в рамках родоплеменной и религиозной идентификации [18]. Г.С. Табатадзе пишет, что там, где формируется группа, насилие становится закономерным во взаимоотношениях членов группы [19]. Так, для ислама Н.В. Буковская, Ю.А. Воеводина отмечают, что структурирование мира на «свою» и «чужую» территорию на-

ходит выражение в религиозных символах: в исламе мир разделен на дар аль-ислам («территория ислама») и дар аль-харб («территория войны»). «Маркируя информацию как «свою» и «чужую» — «правильную» и «неправильную» — религиозный символ способствует социальной интеграции, объединению отдельных групп или общества в целом, а также устанавливает границы между различными общностями» [20, 103].

В результате становления фанатичной позиции, которая сопровождается трансформацией субъектности до групповой, восприятие других сужается до «Мы — Они». Другие становятся Чужими, носителями иных ценностей, что в контексте фанатизма воспринимается как опасность.

4. Трансформация характера контактов с Другими: приоритет сценария борьбы с Чужими.

В норме у индивида имеются разнообразные сценарии контакта с Другими: от сотрудничества до противостояния. Фанатичное поведение у людей и групп начинает проявляться в ситуациях осквернения главных привязок к «фундаменту экзистенции». Такими привязками являются вера, мораль, справедливость, истина. З. Фрейд говорил о «готовности к стихийной ненависти», которая в процессе филогенеза была необходима для индивидуальной и коллективной защиты от архаичных угроз [14].

Фанатичная позиция предполагает негативное восприятие людей с иной («неправильной») позицией, и приоритетным сценарием контакта является противостояние, что продиктовано потребностью защищать собственную идентичность. Угроза идентичности является причиной конфликтов и агрессивного поведения по отношению к Другим.

Л.Н. Вшивцева, рассматривая причины, предпосылки и основания конфликта цивилизаций в современном мире, приходит к выводу, что главная причина конфликта — стремление сохранить культурно-цивилизационную идентичность [21]. Ю.М. Антонян также отмечает, что при наличии угрозы (явной или воспринимаемой) своей самобытности, целостности, группа готова на решительные меры, в том числе и на террористическое насилие [22].

Д.В. Ольшанский отмечает, что типичная модель поведения экстремистских групп (фанатичных сектантов, террористических банд) — это «нападение и побег»; фантазия, что группа должна постоянно бороться с проективным внешним злом, отслеживать и устранять разлагающиеся элементы в собственных рядах ради «исключительно хорошего» бытия [1].

5. Трансформация направленности индивида: избыточная обеспокоенность судьбой группы.

Фанатизм характеризуется идеологической ригидностью — чрезмерной идентификацией себя со своей идеологией и религиозной группой. Излишняя идентификация и поглощенность религиозной идеологией приводит к изменению направленности личности. Как отмечал А.Г. Асмолов, «социальная роль приобретает личностный смысл, и тогда она выступает в виде смысловых установок, начинает детерминировать направленность личности в целом» [23; 42]. Индивид присваивает себе цели, нормы и ценности группы, что меняет его общую направленность. Стоит отметить, что приверженность идее сопровождается принятием определенных норм и правил, по сути, является актом добровольным. Фанатики, последователи религиозной идеи, добровольно оппозиционируют себя как Других, тем самым сознательно отделяют себя от социума. Е.Н. Шапинская

описала явление добровольной «другости», и обозначила его как экзистенциальную «другость» [24].

В ходе формирования фанатичной позиции человек делегирует свою субъектность группе. И.Б. Шуванов отмечает, что «субъектность» показывает направленность активности субъекта к преобразению жизни в направлении идеала или к порождению идеального себя, преобразующего реальное себя [25]. При формировании фанатичной позиции идеал себя создается по стандартам и нормам группы. Расширяя границы «Я» до «Мы», индивид начинает ощущать себя не просто частью группы, он ощущает себя Группой.

Описанные трансформации следует рассматривать как диагностически важные, позволяющие оценить, на какой стадии личностно-смысловой трансформации (точнее — деформации) находится тот или иной человек.

Выводы:

При становлении фанатичной позиции личность претерпевает следующие трансформации (деформации):

1. Трансформация ресурсов жизнестойкости: внутренняя личная сила заменяется внешними (групповыми) опорами.
2. Трансформация идентичности: избыточная идентификация с группой.
3. Трансформация восприятия других: Другой становится Чужим.
4. Трансформация характера контактов с Другими: приоритет сценария борьбы с Чужими.
5. Трансформация направленности индивида: избыточная обеспокоенность судьбой группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 288 с.
2. Санаева Т.Н. Социальный фанатизм. Н. Новгород: Гладкова, 2001. 100 с.
3. Токтомагов О.К. К вопросу о понятии «фанатизм». Пятое Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. 2 том. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. С. 77-82.
4. Калужная Н.А. Фанатизм: личностные и групповые черты // *Философские науки*. 2007. № 9. С. 66-81.
5. Старшенбаум Г.В. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. М.: Когито-Центр, 2006. 367 с.
6. Менделеевич В.Д. Руководство по аддиктологии. СПб.: Речь, 2007. 768 с.
7. Маркин В.Н. Личность в категориальном ряду: индивид, субъект, личность, индивидуальность (психолого-акмеологический анализ) // *Мир психологии*. 2007. № 1. С. 45-55.
8. Сокольская М.В. Субъектная активность как условие личностного здоровья // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 62. С. 293-304.
9. Улыбина Е.В. Быть автором себя: изменяемость идентичности как проявление субъектности по отношению к самому себе // *Мир психологии*. 2012. № 1. С. 48-61.
10. Карабущенко Н.Б. «Бегство от свободы» как «Бегство от ответственности» // *Вестник Астраханского государственного технического университета*. 2006. № 5. С. 277-282.
11. Петухов В.В. *Природа и культура*. М.: Тривола, 1996. 160 с.
12. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. *Психология труда и человеческого достоинства*. М.: Академия, 2005. 216 с.
13. Концен П. *Фанатизм. Психоанализ этого ужасного явления* / Пер. с нем. Харьков: Гуманитарный Центр, 2011. 388 с.

14. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994. 317 с.
15. Богдан С.С. Человеческая деструктивность как социокультурный феномен // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 124. С. 310-320.
16. Бородин Ф.М., Коряк Н.М. Внимание: конфликт! Новосибирск: Наука, 1989. 189 с.
17. Антонян Ю.М. Социально-психологические проблемы терроризма // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 4. С. 10-14.
18. Борисов С.Н., Римский А.В. О социокультурных практиках противодействия терроризму // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2010. № 13. С. 186-192.
19. Табатадзе Г.С. Насилие как социальное явление // Вестник ВолГУ. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2003. № 3. С. 109-117.
20. Буковская Н.В., Воеводина Ю.А. Роль религиозных символов в политике // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 12. С. 101-104.
21. Вшивцева Л.Н. Насилие и ненасилие как принципы современных и традиционных цивилизаций // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 1 (09).
22. Антонян Ю.М. Социально-психологические проблемы терроризма // Вестник ВИ МВД России. 2012. № 4. С. 10-14.
23. Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 105 с.
24. Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 49-55.
25. Шуванов И.Б. Перспективы субъектного подхода к анализу элементной базы психологической модели безопасности субъекта жизни // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. Серия 3: Педагогика и психология. С. 213-221.

REFERENCES

1. Ol'shanskii, D.V. *Psikhologiya terrorizma* [Psychology of Terrorism]. St-Petersburg, 2002. 288 p. (in Russian).
2. Sanaeva, T.N. *Sotsial'nyi fanatizm* [Social Fanaticism]. Nizhny Novgorod, 2001. 100 p. (in Russian).
3. Toktomatov, O.K. On the issue of the concept of "fanaticism" / In: *Piatye Baikal'skie mezhdunarodnye sotsial'no-gumanitarnye chteniia. Ch. 1* [The Fifth Baikal International Social Humanitarian Conference. Vol. 2]. Irkutsk, 2011. Pp. 77-82. (in Russian).
4. Kaliuzhnaia, N.A. Fanaticism: personal and group features. *Filosofskie nauki — Philosophical Sciences*. 2007. № 9. Pp. 66-81. (in Russian).
5. Starshenbaum, G.V. *Addiktologiya: psikhologiya i psikhoterapiia zavisimostei* [Addictology: Psychology and Psychotherapy of Addictions]. Moscow, 2006. 367 p. (in Russian).
6. Mendeleevich, V.D. *Rukovodstvo po addiktologii* [A Guide to Addictology]. St-Petersburg, 2007. 768 p. (in Russian).
7. Markin, V.N. Personality in a categorical row: individual, entity, identity, personality (psychological and acmeologic analysis). *Mir psikhologii — The World of Psychology*. 2007. №. 1. Pp. 45-55. (in Russian).
8. Sokol'skaia, M.V. Subjective activity as a condition of maintaining personal health. *Izvestiia Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A.I. Gertsena — Bulletin of Herzen Russian State Pedagogical University*. 2008. № 62. Pp. 293-304. (in Russian).
9. Ulybina, E.V. Be the author of oneself: changeability of identity as an expression of subjectivity in attitude to oneself. *Mir psikhologii — The World of Psychology*. 2012. № 1. Pp. 48-61. (in Russian).

10. Karabushchenko, N.B. «Escape from freedom» as «Escape from responsibility». *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta — Bulletin of the Astrakhan State Technical University*. 2006. № 5. Pp. 277-282. (in Russian).
11. Petukhov, V.V. *Priroda i kul'tura* [Nature and Culture]. Moscow, 1996. 160 p. (in Russian).
12. Priazhnikov, N.S., Priazhnikova, E.Iu. *Psikhologiya truda i chelovecheskogo dostoinstva* [Psychology of Work and Human Dignity]. Moscow, 2005. 216 p. (in Russian).
13. Kontsen, P. *Fanatizm. Psichoanaliz etogo uzhasnogo iavleniia* [Fanaticism. Psychoanalysis of This Terrible Phenomenon] / trans. fr. German. Kharkov, 2011. 388 p. (in Russian).
14. Iung, K.G. *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the Unconscious]. Moscow, 1994. 317 p. (in Russian).
15. Bogdan, S.S. Human destructiveness as a sociocultural phenomenon. *Izvestiia Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A.I. Gertsena — Bulletin of Herzen Russian State Pedagogical University*. 2010. № 124. Pp. 310-320. (in Russian).
16. Borodkin, F.M., Koriak, N.M. *Vnimanie: konflikt!* [Warning: a conflict!] Novosibirsk: Nauka, 1989. 189 p. (in Russian).
17. Antonian, Iu.M. Socio-psychological problems of terrorism. *Vestnik Voronezhskogo Instituta MVD Rossii — Bulletin of Voronezh Institute of Ministry of Internal Affairs (Russia)*. 2012. № 4. Pp. 10-14. (in Russian).
18. Borisov, S.N., Rimskii, A.V. On the socio-cultural practices of counter-terrorism. *Nauchnye vedomosti BelGU. Serii: Filosofii. Sotsiologii. Pravo — Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*. 2010. № 13. Pp. 186-192. (in Russian).
19. Tabatadze, G.S. Violence as a social phenomenon. *Vestnik VolGU. Serii 7: Filosofii. Sotsiologii i sotsial'nye tekhnologii — Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies*. 2003. № 3. Pp. 109-117. (in Russian).
20. Bukovskaia, N.V., Voevodina, Iu.A. The role of religious symbols in politics. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta — Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2006. № 12. Pp. 101-104. (in Russian).
21. Vshivtseva, L.N. Violence and nonviolence as the principles of modern and traditional civilizations. *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem — Modern Research of Social Problems*. 2012. № 1 (09). (in Russian).
22. Antonian, Iu. M. Socio-psychological problems of terrorism. *Vestnik VI MVD Rossii* [Bulletin of Voronezh Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2012. № 4. Pp. 10-14.
23. Asmolov, A.G. *Lichnost' kak predmet psikhologicheskogo issledovaniia* [Personality as a subject of psychological research]. Moscow, 1984. 105 p. (in Russian).
24. Shapinskaia, E.N. The images of the Other in texts of the culture: politics of representation (the end). *Znanie. Ponimanie. Umenie — Knowledge. Understanding. Skill*. 2009. № 4. Pp. 49-55. (in Russian).
25. Shuvanov, I.B. Prospects of subject approach to the analysis of the elemental base of psychological model of the subject's life security. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 3: Pedagogika i psikhologiya — Bulletin of Adygea State University. Series 3: Education Science and Psychology*. 2011. № 3. Pp. 213-221. (in Russian).

Автор публикации

Власова Юлия Михайловна, — аспирант кафедры общей и социальной психологии Института педагогики и психологии Тюменского государственного университета

Author of the publication

Yulia M. Vlasova — Post-graduate Student, Department of General and Social Psychology, Institute of Psychology and Pedagogics, Tyumen State University